

Родовые имена и небесные покровители в семье московских великих князей

В странах поздней христианизации, таких, например, как Русь или Скандинавия, усвоение христианских имен в первые века после крещения происходило по-разному. Естественно, вместе с христианством в обиход было привнесено и множество новых имен. Церковь прилагала, по-видимому, немало усилий для их распространения для того, чтобы все новообращенные именовались так, как подобает христианам. Однако и на Руси, равно как и в других странах, принявших крещение в конце X–XI веке, постепенная адаптация христианских имен поначалу вовсе не обязательно носила губительный, деструктивный для языческой традиции именованья характер. Языческий, традиционный именованье проявляет поразительную живучесть, а наречение именем оказывается одной из самых устойчивых, консервативных областей культуры.

Исконное языческое имя устанавливало связь человека с его родом, с прошлым, настоящим и будущим. Христианское же имя, хотя и поддерживалось всем авторитетом церкви, относительно долгое время оставалось, так сказать, «словом без коннотаций», без дополнительных связей и значений. Подобного рода ситуация могла вести к двуименности, к тому, что каждый человек оказывался обладателем традиционного родового имени, не имевшего с христианством ничего общего, и имени христианского, которое давалось ему при крещении.

Пожалуй, наиболее полно бытование этих двух именованьев — языческого и христианского — прослеживается в обиходе династии, правящей на Руси¹. Выбор имени для любого человека в любой культурной традиции имеет немалую значимость. Но если имя выбирается для князя, для будущего правителя, то его наречение — это всегда важнейшее событие в жизни династии, а нередко и в жизни страны, в которой эта династия правит. Имена наследника определяли его место в роду, намечали те властные привилегии, на которые он мог — по замыслу своих родителей — впоследствии рассчитывать.

Выбирая имя, князья всякий раз актуализировали историю рода, планировали будущие союзы, а нередко делали первые шаги и к будущим войнам. История выбора имен — это в определенном смысле и есть концентрированная, сжатая до предела история династии.

Как же развивался этот своеобразный «язык имен»? Выше мы уже отмечали, что в эпоху христианизации Руси члены правящего рода по-прежнему получали имена, никак не связанные с христианским именованьем (Святослав, Владимир, Ярослав, Мстислав, Всеволод, Ярополк, Игорь и др.). С другой стороны, при крещении княжич получал и христианское имя: Георгий, Василий, Иван, Андрей, Федор, Дмитрий и др. Таким образом, в XI–XII вв. у князя чаще всего было, по крайней мере, два имени, родовое и крестильное (христианское). Постепенно, однако, функцию родовых имен принимают на себя имена христианские. Исконные, языческие по происхождению имена со временем делаются попросту «ненужными» и, хотя и очень медленно, но неуклонно, вытесняются из родового обихода. Тем не менее, подобно тому, как в прежние раннехристианские времена далеко не всякое языческое имя годилось для князя, так и позднее, в XIV–XVI вв., круг христианских имен, которые давались в семье Рюриковичей, был весьма ограничен. Пригодными, как правило, оказывались лишь те имена, которые уже носили предки новорожденного наследника.

В домонгольский период, когда родовые имена князей были связаны с миром язычества, нарекали исключительно в честь предков умерших — у Рюриковичей существовал строгий запрет на повтор имени прямых предков, если ко времени появления княжича на свет, те были еще живы. Иными словами, не следовало называть ребенка Владимиром Владимировичем или Олегом Ольговичем, если он родился при жизни своего отца, не годилось и имя живого деда.

С другой стороны, с точки зрения интересов династии, символическое уподобление

1 Великий князь Василий III. Деталь иконы «Богородица Воплощение, святой Василий Великий и инок Варлаам (великий князь Василий Иоаннович)». После 1534. Государственный Исторический музей

1 О династическом именованье в Древней Руси см. подробнее: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор

имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропологии. М., 2006.

новорожденного наследника живущему и правящему отцу или деду было бы чрезвычайно выгодным и эффективным. Однако пока существовали древние родовые ограничения — как в том, что касалось преемственности власти, так и в том, что относилось к родовым ценностям, — связь между именованьем живого отца и сына могла устанавливаться лишь косвенными путями. Распространение христианских имен оказало немалое влияние на систему имянаречения в целом. Запрет на повтор имен «живущих предков» явно претерпевает существенные изменения — действительно, уже в конце XII в. отец может даже выбирать для сына свое собственное крестильное имя. Так, например, Всеволод Большое Гнездо, который в крещении носил имя Дмитрий, дает имя Дмитрий своему сыну, родившемуся на именины отца². Более того, с XIII в. встречаются и отдельные случаи совпадения нехристианских, мирских имен живого деда и внука, а впоследствии живого отца и сына. Например, сын Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо Ярослав-Федор в 20-е годы XIII в. дает одному из сыновей собственное крестильное имя Федор³, тогда как другого сына называет своим мирским именем Ярослав⁴. Последнее, конечно же, в корне противоречило исконной родовой традиции.

На первый взгляд, может показаться, что архаический запрет — нарекать именем живущего близкого родича — совершенно исчезает из жизни династии. По крайней мере, имена «поздних» Рюриковичей, правивших в XV–XVI вв., невольно провоцируют подобный вывод. В самом деле, Иван Калита называет одного из своих сыновей Иваном, а Симеон Гордый — Симеоном, Василий Темный был сыном Василия Дмитриевича, Иван Молодой — старшим сыном Ивана III, имя Иван носил и один из сыновей Ивана Грозного. Тем не менее, старая родовая традиция, воплотившаяся в христианских именах, видоизменяясь, отнюдь не утрачивает своей силы. Многочисленные Василии и Иваны из рода Рюриковичей зачастую одновременно являются и не являются тезками.

Каков же был этот механизм расподобления тезок?

Как уже говорилось, далеко не каждое христианское имя годилось для князя, и, более того, далеко не каждый святой, носивший «княжеское» имя, мог сделаться официальным патроном Рюриковича. Характерно, однако, что святых Иоаннов, например, «годившихся» в качестве официальных святых покровителей для князя, традиция признавала несколько. Точно так же обстояло дело и со святыми Василиями или святыми Симеонами. Иными словами, носитель имени Иван мог быть крещен как в честь Иоанна Предтечи, так и в честь Иоанна Златоуста или в честь Иоанна Лествичника. Существенно, что официальный патрон князя был широко известен — церковное строительство, иконописание, дни монастырских кормлений и многие другие атрибуты почитания связывались с памятью именно этого святого.

Выбирающий имя для княжича получал в ситуации строго последовательного разграничения святых тезок большие дополнительные возможности. Действительно, ребенок мог быть назван тем же именем, что носил его правящий отец или дед. Тем самым устанавливалась его прямая преемственность по отношению к предку, в данный момент обладающему властью. При этом обходился и запрет на тождество имен живого предка и потомка. В самом деле, если сын князя, крещенного в честь Василия Кесарийского, был крещен, скажем, в честь святого Василия Парийского, это уже отличало его от отца, хотя их имена и совпадали.

Мы полагаем, что в практике имянаречения подобное распределение патрональных святых соблюдалось весьма последовательно: сын, нареченный при жизни отца его именем, в качестве небесного покровителя обязательно получал другого святого, нежели его отец. Приведем несколько примеров такого расподобления.

Хорошо известно, что официальным покровителем царевича Ивана Ивановича был святой Иоанн Лествичник. В частности, именно он был изображен на панагии, принадлежавшей крестному отцу царевича, митрополиту Макарию. После гибели Ивана Ивановича Грозный отдает распоряжение о строительстве придела Иоанна Лествичника в Архангельском соборе, фамильной

2 См.: Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 411–412 под 1194 г.; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 674–675 под 1192 г. Ср.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. С. 139–143.

3 См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 444 под 1219 г.

4 См., например: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473–474. В летописных перечнях сыновей Ярослава Всеволодича содержится упоминание некоего Афанасия (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 521), которого еще Н. М. Карамзин

отождествил с Ярославом Ярославичем, полагая, что он в этих перечнях фигурирует под своим крестильным именем (см.: Карамзин Н. М. История Государства российского. СПб., 1892. Т. 4. Примеч. 78). Впоследствии догадка Н. М. Карамзина нашла себе подтверждение на достаточно обильном сфрагистическом материале (см.: Орешников А. В. Материалы к русской сфрагистике // Труды Московского нумизматического общества. Т. 3. Вып. 1. М., 1903. С. 129–130; Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1: Печати

X — начала XIII в.; Т. 2: Новгородские печати XIII–XV в. М., 1970. Т. 2. С. 8–9). Кроме того, во второй половине XIII в., до 1294 г., в Твери был основан монастырь во имя святого Афанасия Великого, а в житии Софьи, дочери Ярослава Ярославича, говорится о том, что именно она возвела этот монастырь и посвятила церковь святому Афанасию, который, очевидно, был патрональным святым ее отца. Таким образом, по христианским именам отец и сын, Ярослав-Федор и Ярослав-Афанасий, все же не были тезками.

2 Великий князь Василий Дмитриевич с великой княгиней Софьей Витовтовной. Шитые изображения на Большом саккосе митрополита Фотия. 1410-е. Музеи Московского Кремля

усыпальнице последних поколений царствующих Рюриковичей⁵. Память Иоанна Лествичника могла быть соотнесена по календарю с датой рождения царевича (28 или 29 марта⁶), так как приходилась она на 30 марта.

Имя официального святого патрона его отца, Ивана Грозного, может быть названо совершенно определенно — это Иоанн Предтеча. Наречение Ивана Васильевича соотносилось с праздником Усекновения Главы Иоанна Крестителя. Этот

праздник приходился на 29 августа, а сын Василия III, будущий царь Иван Грозный, родился 25 августа, на день апостола Тита и Варфоломея⁷.

Можно было бы допустить, что отцу и сыну достались разные патрональные святые исключительно в результате календарных расчетов. Попросту говоря, к дате рождения одного из них было ближе празднование памяти Иоанна Лествичника, а к дате рождения другого — Иоанна Предтечи. Однако данному выводу противоречит

5 Ср. также свидетельство Никоновской летописи об освящении церкви Иоанна Лествичника в 1557 г., на котором присутствовали Иван Грозный, царица Анастасия и сам Иван Иванович (Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 276). Подробнее о строительстве церкви, посвященных главному патрональному святому царевича, см.: Мельник А.Г. Практика посвящений храмов во имя патрональных великокняжеских и царских святых в XVI в. // Царь и царство в русском общественном сознании (Мировосприятие и самосознание русского общества). Вып. 2.

М., 1999. С. 42 и след. Изображение Иоанна Лествичника (наряду с изображениями Иоанна Крестителя, патронального святого царя Ивана Васильевича, и Федора Стратилата, патронального святого царевича Федора Ивановича) присутствовало на западном подзоре моленного трона Грозного в новгородской Софии (см.: Никитина Ю.И. Монументально-декоративная резьба моленных мест из Новгородской Софии // Памятники культуры. Новые открытия 1986: Письменность, искусство, археология. Л., 1987. С. 361).

6 См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 239; Зимин А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Т. 5. 1950. С. 19; Карамзин Н.М. История Государства российского. Т. 8. С. 50. Примеч. 391.

7 См.: ПСРЛ. Т. XIII. С. 48, 49 под 1530 г.; Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Т. 8. М., 2001. С. 273–274; ср. также: Зимин А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. С. 30, 38; Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913. С. 606; Русский хронограф // ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. М., 2005. С. 522, 538.

ряд обстоятельств и в первую очередь — строгая регулярность подобных «несовпадений».

Родной дед Ивана Грозного, Иван III, так же дал свое родовое имя собственному сыну, Ивану Ивановичу Молодому. По случаю его рождения Иван III возвел каменную церковь Иоанна Предтечи «на Бору», так что мы можем с достаточной степенью определенности утверждать, что именно Иоанн Предтеча был патрональным святым новорожденного княжича. Официальным же покровителем самого Ивана III был Иоанн Златоуст.

Дата рождения Ивана III хорошо известна: он родился 22 января 1440 г.⁸, а 27 января церковь празднует Перенесение мощей Иоанна Златоуста. В свою очередь, Иван Иванович Молодой родился 15 февраля 1457/58 г.⁹. Показательно, что этот княжич родился на Федоровой неделе, первой неделе Великого поста, когда в субботу церковь праздновала явление святого Феодора Тирона цареградскому епископу Евдоксию. В год рождения царевича суббота приходилась на 18 февраля. Более того, на 17 февраля выпадал и неподвижный праздник святого Феодора Тирона.

Иными словами, если бы во главу угла ставился календарь, то быть бы царевичу Федором, тем более что это имя издавна было родовым христианским именем Рюриковичей, причем святой Федор Тирон (как и святой Федор Стратилат) — святой воин — был одним из популярнейших патрональных святых. Однако Иван III счел более уместным обозначить родовые права старшего сына, дав ему свое собственное имя. При этом патрональный святой княжича, Иоанн Креститель, не совпадал с патрональным святым его отца-тезки. С другой стороны, дня обретения главы Иоанна Предтечи — 24 февраля — надо было ждать дольше, чем празднования Федора Тирона. Таким образом, при выборе официального имени для Ивана Молодого на календарь ориентировались лишь до некоторой степени: княжич получил имя не ближайшего из княжеских святых, а того, который лучше подходил по династическим соображениям.

В качестве любопытного штриха, характеризующего эту систему нетождества или неполного тождества в наречении отца и сына, можно указать следующее обстоятельство: среди Рюриковичей, живших с XIV по XVI в., мы не обнаруживаем ни одного Дмитрия Дмитриевича, хотя имя Дмитрий было чрезвычайно популярно в династии. Дело, по-видимому, объясняется тем, что был только один святой с этим именем, годившийся в покровители русским князьям — святой

Дмитрий Солунский. Правило — одно имя, два святых для отца и сына — соблюдалось, таким образом, весьма жестко.

Существенно, что несовпадение небесных патронов было обязательным только для сына при живом отце-тезке и, возможно, для внука при живом деде-тезке. Когда ребенок получал имя в честь покойного предка, здесь, напротив, желательным было как раз совпадение святых покровителей. Так, покровителем Ивана Грозного, был Иоанн Предтеча. Тот же святой покровитель был и у его рано умершего дяди Ивана Ивановича Молодого, сына Ивана III.

Более того, если двое детей в одной семье получали одно и то же имя, то у них был и один и тот же патрональный святой, независимо от того, родился ли младший из тезок после смерти старшего или при его жизни. Наиболее выразительный пример такого рода — это два Дмитрия в семье князя Юрия Звенигородского, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный, жившие одновременно и имевшие, судя по всему, одного патронального святого — Дмитрия Солунского.

Это правило неполного тождества, когда святые покровители детей-тезок должны были совпадать, а святые покровители отца и сына-тезок непременно различаться, было, конечно же, только частью системы выбора имен у поздних Рюриковичей. В частности, весьма продуктивной оказалась и еще одна древняя династическая модель — модель княжеской двуименности.

Как уже упоминалось, в домонгольский период князь получал два имени — родовое языческого происхождения и христианское, так же постепенно становящееся родовым. До последней трети XII в. на календарь при этом не слишком оглядывались. Вообще говоря, память святых при отсчете времени, по-видимому, начинает играть роль на Руси не очень рано, лишь с рубежа XII–XIII вв. Тем не менее, в правящей династии наследник непременно должен был получить только такое христианское имя, которое уже носила целая череда его предка. Очень часто, однако, на день его рождения приходится память какого-то святого, неподходящего для наречения Рюриковича. В результате у княжича оказывается как бы два христианских имени — одно, предназначенное ему родовой традицией, и другое, выпавшее ему волею случая. Родовое христианское имя становилось его публичным, официальным, княжеским именем. Календарное же имя оказывается второстепенным, но при этом, так сказать, более интимным, частным, связанным с его личной церковной жизнью.

8 См.: ПСРЛ. Т. 8. С. 108.

9 См.: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. 12. М., 2000. С. 112.

В XIV–XVI вв. такая христианская многоименность представляет собой обычное явление. Князь Дмитрий Константинович Суздальский был обладателем дополнительного имени Фома¹⁰, Константин Острожский в крещении был Василием¹¹, Ивана III звали Тимофеем¹², а у его сына, Василия III, было еще одно имя — Гавриил¹³. К Ивану Грозному прилагаются имена Тит и Смарагд¹⁴, тогда как у его сына Дмитрия было, по выражению Казанского летописца, «прямое имя Уар»¹⁵. Число подобного рода примеров легко умножить.

В летописании этой эпохи существует даже особый жанр — пророчество о рождении будущего наследника. По летописи его произносит юродивый или святой старец, и в них всегда упоминается дополнительное, интимное имя будущего правителя. Предсказание о рождении Ивана III гласило, что царю родится сын Тимофей, а имя ему дадут Иоанн¹⁶, о рождении Ивана Грозного — что придет Тит широкий ум¹⁷. Знание этого второго имени служит как бы лишним доказательством прозорливости пророчествующего, ведь косвенным образом здесь указывается, что он заранее знает точный день появления на свет ребенка.

Весьма характерна в этом отношении композиция уже упоминавшейся панагии, принадлежавшей крестному отцу сына Грозного Ивана Ивановича, митрополиту Макарию, и, судя по всему, связанной с днем рождения и днем крещения царевича¹⁸. На лицевой ее стороне был изображен Иоанн Лествичник, а на оборотной — святые Марк и Кирилл. Действительно, царевич известен под своим родовым христианским именем Иван, но родился он в день празднования памяти святых епископа Марка Арефусийского и Кирилла дьякона. Их имена не годились для официального имени царского сына, но при этом всю жизнь сопровождали его в качестве дополнительных¹⁹.

Непубличный характер дополнительных имен порождает возможность определенной культурной игры и создает почву для всевозможного рода загадок и символических реплик праявляющей семьи. Любопытно, что когда после долгой бездетности у Василия-Гавриила во втором браке наконец родился сын, будущий царь Иван Грозный, в Кирилло-Белозерском монастыре, куда великий князь ездил молиться о даровании ему наследника, были заложены две церкви²⁰. Одна из них — Усекновения Главы Иоанна Предтечи — была непосредственно связана с праздником, по которому было дано династическое имя новорожденному. Строительство же второй — Гавриилоархангельской — имело отношение, с одной стороны, к непубличному имени самого князя — Гавриил, тогда как с другой, было сюжетно связано с Благовещением, вестью о разрешении от бесплодия. В этой церкви был и придел святых Константины и Елены, а ведь царица Елена была покровительницей великой княгини Елены Глинской²¹. Иными словами, событие запечатлевалось в церковном строительстве как бы одновременно на двух уровнях — династическом и более интимном, так сказать, семейном.

В целом же, можно сказать, что модель двуименности в разных своих воплощениях пронизывает практически всю шестисотлетнюю историю династии Рюриковичей. Она теснейшим образом связана с той двойной генеалогией, которую правители Руси приобретают со времен крещения. В самом деле, каждый князь включен в мир предков, властителей, связь с которыми является главной основой его собственного права на власть. В то же время он связан как со своими собственными небесными покровителями, христианскими святыми, так и с небесными покровителями всего своего рода. Двойное именование князя, таким образом, определяет его существование в двух генеалогических перспективах, которые не противоречат и не исключают друг друга.

10 См.: Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 83; ср.: ПСРЛ. Т. 8. С. 48–49.

11 См.: Библия. Острог, 1581. Л. 1; Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1–3. М., 1996–1997. Т. 2. С. 193.

12 См.: ПСРЛ. Т. 8. С. 108 под 1440 г.; Т. 22. Вып. 1. С. 536.

13 См.: Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. С. 287; Т. 21. Ч. 2. С. 582.

14 См.: ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 629; Розов Н. Н. Похвальное слово великому князю Василию III // Археографический

ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 284.

15 См. Карамзин Н. М. История Государства российского. Т. 9. С. 266.

Примеч. 741.

16 См.: ПСРЛ. Т. 8. С. 108 под 1440 г.

17 См.: ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 629.

18 См.: Постникова-Лосева М. М.

Три камеи Государственной Оружейной палаты // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1975. М., 1976. С. 231.

19 Аналогичным образом, на сохранившейся панагии самого Ивана Грозного был вырезан барельефный образ Иоанна Предтечи, а на оборотной стороне золотой

оправы чернью было выполнено изображение апостола Тита (см.: Постникова-Лосева М. М. Три камеи Государственной Оружейной палаты. С. 224).

20 См.: Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1897. С. 105.

21 Лихачевский летописец — Архив СПбИИ. Ф. 238 (Н. П. Лихачев). Оп. 1. № 365. Л. 853 под 7039 <1531> г.; ср.: Покровская В. Ф. Летописный свод 1488 г. из собрания Н. П. Лихачева // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975. С. 29.